

DOI 10.31250/2618-8600-2023-4(22)-160-180

УДК 39:004.738.5

С. Ю. Белоруссова

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2069-3452
E-mail: svetlana-90@yandex.ru

Н. Е. Хохолькова

Институт Африки Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5165-1925
E-mail: khokholkova@gmail.com

Виртуальность и глобальность (на примере коренных народов России и Африки)*

АННОТАЦИЯ. На первый взгляд, Россия и Африка — два противоположных мира, как в географическом и климатическом измерениях, так и в мировоззренческом плане. В области взаимного восприятия часто господствуют стереотипы и клише, смысл которых сводится к обозначению непонимания, а иногда и недоверия. При множестве различий Россию и страны Африканского континента объединяет полиэтничность, то есть наличие сложной социально-этнической структуры, создающей как преимущества, так и определенные риски развития. В условиях глобальной цифровизации многие аспекты существования этнических групп проявляются онлайн, в плоскости виртуального, в частности — в процессах, связанных с функционированием феномена киберэтничности. Основными задачами данной статьи являются не только сравнение коренных этнических сообществ двух пространств и поиск общих и/или противоположных черт их виртуальной этничности, но и комплексный анализ единства и многообразия механизмов и практик создания и воссоздания, манифестации и репрезентации культурной идентичности в цифровой среде. Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать вывод, что сходств в паттернах репрезентации этничности в цифровом измерении у пользователей из России, Кении и Танзании больше, чем различий. Имея доступ к интернету (хотя в некоторых случаях он и ограничен), используя различные социальные сети, представители рассмотренных этнических групп преследуют сопоставимые цели, опираются на сходные инструменты, а также почти одинаково смотрят на корреляцию сетевой активности с реальным существованием этнической группы. При этом повсеместное использование одних и тех же или аналогичных социальных сетей и мессенджеров приводит к определенной универсализации представления об этничности в виртуальной среде. Борьба со штампами и девальвацией культурных ценностей в условиях увеличения цифрового контента с каждым годом приобретает все большую актуальность, но осуществляется она пока теми же специ-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10079 (<https://rscf.ru/project/23-78-10079/>).

фичными для виртуальной среды инструментами, распространение которых и привело к названным процессам. Киберпространство является как вызовом, так и возможностью для этнических сообществ мира, требуются время, потенциал и ресурсы для адаптации и принятия новых условий развития.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А : Россия, Африка, Кения, Танзания, коренные малочисленные народы, виртуальная этничность, интернет, киберэтнография, хештег, этнический блогинг, мемы, коммуникация, стереотипы

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я :
Белорусова С. Ю., Хохолькова Н. Е.
Виртуальность и глобальность (на примере коренных народов России и Африки).
Этнография. 2023. 4 (22): 160–180. doi
10.31250/2618-8600-2023-4(22)-160-180

S. Belorussova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2069-3452
E-mail: svetlana-90@yandex.ru

N. Khokholkova

Institute for African Studies of the Russian
Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5165-1925
E-mail: khokholkova@gmail.com

The Virtual and the Global: Indigenous Peoples of Russia and Africa in Digital Environment

ABSTRACT. At first glance, Russia and Africa are opposite worlds regarding geography, climate, ideology, and other dimensions. Stereotypes, clichés, misunderstandings, and even distrust often prevail in mutual perception. However, Russia and the countries of the African continent are similar in their polyethnicity, i. e., the presence of complex socio-ethnic structures that create both advantages and risks for their development. In the context of global digitalization, many aspects of the existence of ethnic groups are manifested online, in the virtual plane, giving rise to the phenomenon known as cyber-ethnicity. The main objectives of this article are to compare the indigenous ethnic communities of the two regions and to identify common and differing features of their virtual ethnicity. The article also seeks a comprehensive analysis of the mechanisms and practices underlying the creation and recreation, manifestation, and representation of cultural identity in the digital environment.

The results obtained during the study allow us to conclude that there are more similarities than differences in the patterns of ethnicity representation in the digital space among users from Russia, Kenya, and Tanzania. Having access to the Internet, although in some cases it is limited, and using various social networks, members of ethnic groups pursue comparable goals, rely on similar tools,

and look almost equally at the correlation between the network activity and the actual existence of an ethnic group. The widespread use of the same or similar social networks and messengers leads to a certain universalization of the idea of ethnicity in the virtual environment. A fight against stereotypes and the devaluation of cultural values in the face of increased digital content is becoming more urgent every year. However, it is still being carried out using the same tools of the virtual environment that led to it. Cyberspace is both a challenge and an opportunity for the world's ethnic communities, and it takes time, potential, and resources to adapt and accept new development conditions.

KEY WORDS : Russia, Africa, Kenya, Tanzania, indigenous peoples, virtual ethnicity, the Internet, cyberethnography, hashtag, ethnic blogging, memes, communication, stereotypes

FOR CITATION: Belorussova S., Khokholkova N. The Virtual and the Global: Indigenous Peoples of Russia and Africa in Digital Environment. *Etnografia*. 2023. 4 (22): 160–180. (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2023-4(22)-160-180

На первый взгляд, Россия и Африка — два противоположных мира, как в географическом и климатическом измерениях, так и в мировоззренческом плане. В области взаимного восприятия часто господствуют стереотипы и клише, смысл которых сводится к обозначению непонимания, а иногда и недоверия. Африканцам Россия представляется страной вечной мерзлоты и снега, отчужденной и оторванной. Жителю России Африка кажется пространством невыносимой жары, опасностей и непредсказуемости. Отрывок из детского стихотворения «Бармалей» К. Чуковского «Маленькие дети! / Ни за что на свете / Не ходите в Африку, / В Африку гулять! / В Африке акулы, / В Африке гориллы, / В Африке большие / Злые крокодилы / Будут вас кусать, / Бить и обижать...», использованием которого и по сей день злоупотребляют СМИ в материалах о континенте, может служить отражением ментальных установок не только советского, но и — нередко — постсоветского человека.

При множестве различий Россию и страны Африканского континента объединяет полиэтничность, то есть наличие сложной социальной и этнической структуры, создающей как преимущества, так и определенные риски развития. В условиях глобальной цифровизации многие аспекты существования этнических групп проявляются онлайн, в плоскости виртуального, в частности — в процессах, связанных с функционированием феномена киберэтничности. Процессы глобализации и цифровизации стали вызовом для многих этнических сообществ, в первую очередь — для малочисленных: сохранение их уникальных черт оказалось под вопросом, и считавшиеся разными группы стали союзниками в деле адаптации собственных культур к новому времени (Головнёв 2020; Головнёв и др. 2021).

Основными задачами данной статьи являются не только сравнение коренных этнических сообществ двух удаленных регионов и поиск общих и/или различных черт их виртуальной этничности, но и комплексный анализ единства и многообразия механизмов и практик создания и воссоздания, манифестации и репрезентации культурной идентичности в цифровой среде. Способна ли киберглобализация объединить то, что кажется несовместимым? Интернет обезличивает этнические черты или, напротив, упрочивает уникальность культуры? Насколько виртуальная этничность адаптируется к разным регионам, сообществам и их ценностям? Материал разделен на семь тематических блоков, в которых сравниваются опыты этнических групп России и стран Восточной Африки (Кении и Танзании): «Распространение интернета», «Самопрезентация в сети», «Хештеги», «Коммуникация», «Образы и стереотипы», «Блогеры и лидеры», «Впечатления и мнения». Мы попытаемся выявить общее и особенное в восприятии сети и ее возможностей среди пользователей этнических групп двух регионов, а также изучим стратегии адаптации традиционной культуры к цифровому миру.

Данное исследование было подготовлено в сочетании физического и виртуального наблюдения. Авторы работы в течение длительного срока (более десяти лет) участвовали в полевых исследованиях на территории проживания коренных малочисленных народов России и народов стран Восточной Африки, а в последние годы наблюдают за процессом цифровизации их этнической культуры. Степень виртуальной активности зависит от внутреннего запроса этнической группы, ее внешней значимости и принятия со стороны других сообществ. Этнический киберактивизм и виртуальная этничность — это не цель, а средство самопрезентации и самоактуализации. В рамках представленного экспериментального исследования особую важность составляет выявление причин обращения людей к сети (или отсутствия такового) как инструменту решения определенных задач, связанных с конструированием и функционированием этнической идентичности.

В течение нескольких лет мы наблюдали за группами, персональными страницами, постами, комментариями и чатами в следующих социальных сетях и на следующих платформах: «ВКонтакте», Facebook*, Instagram*¹, Telegram, WhatsApp, Viber, «Одноклассники», YouTube и TikTok. Мы также проводили тематические интервью и опросы. Специально для данного исследования мы подготовили онлайн-анкету «Этничность и интернет», которая содержала одинаковые вопросы как для представителей этнических групп стран Африки, так и для сообществ из России. Среди обозначенных тем — цифровое неравенство, вопросы самоактуализации, коммуникации, виртуального лидерства, хештегов и других форм репрезентации этничности. Кроме того, мы обращались к членам этнических сообществ с просьбой выразить мнение о представленности (репрезентации) их культуры в сети и ответить на вопросы о том, насколько сегодняшняя виртуальная коммуникация замещает (или дополняет) реальное общение. Всего среди коренных малочисленных народов России было собрано 310 анкет, из них 75% ответов было от женщин, 25% — от мужчин. Мы старались равномерно распространять анкеты среди всех 47 представителей коренных малочисленных народов, отчасти это получилось, однако не ко всем этническим группам был равный доступ.

Среди представителей этнических групп стран Восточной Африки (Кении и Танзании) удалось собрать 57 анкет. В отличие от российского сегмента респондентов, в Восточной Африке наибольшее количество ответов было получено от мужчин — 73,6%, и лишь 26,4% — от женщин. Ввиду высокой степени этнического разнообразия и миграционной активности, которой отличается как континент в целом, так и его восточная

¹ Деятельность компании Meta, которой принадлежат отмеченные знаком * социальные сети, признана экстремистской и запрещена в России.

часть, охватить в рамках первоначального, сравнительно непродолжительного этапа исследования все этнические группы не представлялось возможным. Выборку составили представители и достаточно крупных сообществ численностью от 1 млн человек (бена, камба, лугуру, масаи, ньякьюса, чага), и малочисленных — до 500 тыс. человек (самбуру, танзанийские нгони, матенго).

Авторы статьи выражают благодарность исполнителям проекта РФФ № 23-78-10079 «Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты» за помощь в сборе материалов, а также благодарят всех, кто участвовал в нашем исследовании.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНТЕРНЕТА

С 2014 г. в России реализуется государственная программа по «устранению цифрового неравенства», которая включает установку в труднодоступных районах страны вышек сотовой связи и проведение туда широкополосного интернета. На сегодняшний день сетью обеспечено около 14 тыс. поселков, сел, деревень, станиц и аулов по всей России, а на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов (КМН) создано более ста IT-стойбищ. Усилия имеют эффект — многие сегодня могут выходить в интернет, даже не покидая собственного чума или яранги. Тем не менее сеть пока не способна полностью покрыть обширное географическое пространство страны, поэтому большая часть КМН, проживающих в отдаленных частях России, сталкивается с проблемами устойчивости интернет-покрытия.

Согласно данным, полученным благодаря анкетированию, обитатели городов имеют меньшие проблемы с доступом к связи, чем жители сел, деревень и аулов. Логично и то, что отдаленность от любых поселений означает оторванность от сети. Народы, проживающие на территориях с хорошим интернет-покрытием, — абазины, нагайбаки, саамы, бесермяне — сообщили об отсутствии проблем со связью. В свою очередь, жители отдаленных территорий, в особенности Арктики, испытывают трудности. По словам ненца из пос. Сеяха, «интернет ужасный, загружается все очень медленно днем, работает только ночью хорошо с 3:00 до 5:00, когда основная масса людей спит(((а так хочется чтоб работало». Некоторые жалуются на высокую стоимость интернета: долганке из пос. Тикси «пришлось подключить вай-фай, в месяц абонентская плата 5000 руб.». Вепс, проживающий в с. Шелтозёрово, сообщил, что «иногда связь плохо работает, свет выключают». Отключение света, нестабильная телефонная связь и интернет препятствуют полноценному виртуальному контакту. Некоторые народы (например, бурятские сойоты) мало включены в виртуальную жизнь и на связь выходят не так часто: даже

телефонная коммуникация не имеет для них такого значения, как реальное взаимодействие (ПМА 2023).

Африка, в свою очередь, не ассоциируется с высокими технологиями как минимум потому, что процентные показатели уровня распространения интернета выглядят относительно низкими: согласно данным Всемирного банка, на 2022 год лишь 36% населения континента имели широкополосный доступ в интернет (From Connectivity to Services... 2023). Тем не менее динамика информационно-коммуникационных трансформаций в странах Африки впечатляет: в течение последнего десятилетия уровень интернет-покрытия вырос с 9 до 33% (Status of internet access and connectivity in Africa 2022). Количество интернет-пользователей на континенте увеличилось более чем в два раза; к 2022 г., по разным подсчетам, доступ к «Всемирной паутине» имели от 570 до 600 млн человек. Несмотря на то что в Восточной Африке наблюдается самый низкий уровень проникновения интернета (23,1%), рассматриваемые в рамках статьи Кения и Танзания представляют собой скорее обратный пример. Они занимают седьмую и десятую строчки в рейтинге африканских стран с самым высоким количеством пользователей — по данным 2022 г. в Кении зафиксировано более 17 млн интернет-пользователей, в Танзании — более 21 млн, что составляет более 30% от общей численности населения (Galal 2023). Особую роль в телекоммуникационных трансформациях на континенте играет мобильная связь. По данным на январь 2023 г., в Кении было подключено 63,9 млн абонентов, составляющих 117,2% от общей численности населения, в Танзании — 57,4 млн абонентов, составляющих 86,4% от общей численности населения (Kemp 2023).

В странах Субсахарской Африки также действуют программы, направленные на ликвидацию цифрового неравенства. Однако большинство из них реализуется усилиями внешних акторов: других государств, частных корпораций, международных некоммерческих организаций (Панцеров 2019). Одной из самых масштабных инициатив, призванных обеспечить доступность и надежность подключения к сети и охватывающих Восточную Африку, стал проект создания кабельной системы “2Africa”, разрабатываемый и реализуемый компанией Meta² в сотрудничестве с несколькими местными и международными операторами. Работы на восточноафриканском участке уже завершены, однако система не введена в эксплуатацию полностью. Количество районов, не охваченных телекоммуникационными сетями, сокращается не только за счет глобальных трансконтинентальных программ, но и благодаря отдельным локальным проектам. В 2018 г. кенийская компания Mawingu WiFi при поддержке Microsoft 4 Africa предоставила доступ к сети сельским поселениям в регионе Лайкипия. Стабильность соединения и трафика

² Признана в РФ экстремистской организацией и запрещена.

поддерживается и на местном уровне путем открытия точек обмена трафиком. По данным The African IXP Association, на территории континента работают 53 точки, 6 из которых установлены в Кении и Танзании (List of active Internet Exchange Points in Africa 2023).

Проведенное в Кении и Танзании онлайн-анкетирование показало, что 91,2% опрошенных почти не испытывают трудностей с доступом к интернету. Как и во всем мире, жители городов имеют более широкие возможности и более качественную связь. Лишь пара респондентов, проживающих в столицах (Найроби и Дар-эс-Саламе), указали на относительно высокую стоимость услуг операторов. 8,8% опрошенных, проживающих в северных районах Кении и Танзании, отметили, что проблемы со связью бывают, и иногда они обоснованы перебоями в подаче электроэнергии. По мнению представителя народа чага, проживающего в регионе Аруша (Танзания), в настоящее время проблем с мобильным интернетом не наблюдается, а некоторые возникающие трудности можно решить сменой поставщика сетевых услуг.

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В СЕТИ

Нередко описание виртуальной этнической группы содержит призыв к популяризации своей культуры. Сообщество «Ульчи» в социальной сети «ВКонтакте» обращается к пользователям со словами: «Давайте восстановим упущенное и поддержим наше достояние. Да не погаснет огонь Ульчской нации!» Описание страницы «Эвенки» начинается со слов: «[Народ не исчезнет,] пока на земле будет жить хоть один человек, способный сказать простые, но гордые слова: “Би эвенки биһим! (Я — эвенк!)”». Согласно данным, полученным благодаря анкетированию, на вопрос «Демонстрируете ли свою культуру в сети?» большая часть респондентов ответила положительно (62,3%). При этом значительная часть из них (31,1%) делает акцент на визуальном позиционировании: 24,4% выкладывают фото, 6,7% — видео. В «письменной» демонстрации участвуют 25,5% респондентов, из них 16,1% комментируют посты, а 9,4% их создают.

Зачастую этническое проявление в сети зависит от потребности со стороны сообщества — кто-то в этом чувствует повышенную необходимость, а для кого-то это не столь значимый ресурс. Еще 10 лет назад нагайбаки были заинтересованы в отстаивании своей самобытности, что выражалось в повышенной виртуализации — создании интернет-сообществ, цифровом межэтническом общении и демонстрации себя в сети. При снижении потребности быть увиденными со стороны другими, в том числе при повышении внимания со стороны СМИ, ученых и сторонних пользователей, у нагайбаков снизилась самостоятельная интернет-активность. Сегодня группы нагайбаков в «ВКонтакте» почти

не функционируют, а сообщества не обновляются. Их цифровая среда похожа на заброшенные города с остатками прошлой жизни — виртуальными записями семи-десятилетней давности (Белоруссова 2023).

Бесермяне, напротив, в последние пять-шесть лет создают в сети группы, сообщества и блоги, проводят акции и флешмобы. Одной из причин активизации в виртуальности стала угроза их исчезновения в реальности (согласно Всероссийской переписи населения, в период с 2002 по 2010 г. их численность сократилась почти на треть — с 3102 до 2201 человек). Сегодня жизнь в сети для бесермян стала настолько естественной и гармоничной, что их взаимодействие как будто уже не имеет деления на «реальное» и «виртуальное». В последнее время ни одно этническое мероприятие не проходит без интернет-поддержки, и, наоборот, виртуальный проект получает свое отражение и в реальности (ПМА 2023).

В странах Восточной Африки в сообществах и личных аккаунтах также принято выражать этническую гордость, призывать к активизации и консолидации. Цифровые этнические сообщества и группы создаются преимущественно в Facebook* и WhatsApp, значительная их часть относится к закрытому типу. Большинство подобных сообществ управляются модераторами, но по духу скорее являются неиерархичными — любой участник может задавать тему обсуждения, выражать собственную позицию. Маркер этнической принадлежности чаще всего содержится в самом названии группы («Kamba community», «Matengo people»), в некоторых случаях общность подчеркивается за счет местоимения, например «Наши лугуру» («Luguru kwetu»). В кратком описании сообществ достаточно редко фиксируются вдохновляющие призывы к самопрезентации и объединению, однако они широко представлены в «ленте». В группе «Samburu Indigenous Heritage» (39,7 тыс. участников, Facebook*) часто встречаются схожие по форме признания пользователей: «Люди-бабочки³, я горжусь нашей культурой». В качестве некоторых особых «жанров» проявления этнического самосознания в сети можно выделить практики благодарности (например, «Богу и предкам за возможность быть тем, кто ты есть») и тиражирования информации об успешных представителях конкретного этноса. Так, в 2020 г. пост о первой девушке-адвокате из числа огиек появился на более чем 20 персональных страницах в социальных сетях, а затем и на официальной странице издания «The Standard Kenya».

Результаты анкетирования показали, что чуть более половины опрошенных (50,8%) состоят в этнических сообществах и/или следят за происходящим в них. 78,9% респондентов стремятся продемонстрировать свою этническую принадлежность в сети, из них 39,2% предпочитают

³ Самбуру нередко называют людьми-бабочками из-за ярких цветов и обилия украшений в традиционном костюме.

участвовать в онлайн-дискуссиях, оставляют комментарии в сети; 23,4% пишут и публикуют посты; 16,3% создают фото- и видеоконтент.

ХЕШТЕГИ

Кратчайшей и одной из самых эффективных с точки зрения коммуникации формой обозначения этнической идентичности в сети является хештег — ключевое слово или фраза, цифровая метка, способствующая быстрому поиску и распространению информации. Хештег представляет собой универсальный инструмент для репрезентации общности, привлечения внимания к конкретным проблемам этнической группы (например, проблеме сохранения языка), поддержания исторической и культурной памяти (Белорусова и др. 2020). Механизмы его использования в России, Кении и Танзании схожи, однако результаты опросов выявили некоторые особенности.

Среди представителей КМН хештеги ставят около четверти опрошенных — 24,5%. Некоторые указали, что хештегами не пользуются, но считают это хорошей идеей для дополнения своих публикаций. В основном в хештегах пишут название своей этнической группы в разных вариантах (или указывающие на него термины). Ненцы используют слова #ненцы, #ненец, #неночка; селькупы — #красноселькуп, #селькупы; бесермяне — #бесермяне, #бесермянский полк, #монбесерман, #мойбещерман; абазины — #абазины, #абаза, #любимыйабазинскийнарод, #abazahistory; вепсы — #вепс, #вепскаякультура, #vepsläine. Иногда хештег используется как инструмент единения группы или как элемент, подчеркивающий ценность этнической идентичности: #мынагайбаки, #мирнастоящихлюдей (чукчи), #абазиномбытьмодно. Хештеги ставят и для указания территории проживания народа: #ямал, #сеяха, #арктика, #гундра, #нагайбакскийрайон, #республикаалтай. В некоторых случаях хештег является конструктом для создания виртуального пространства при отсутствии его в физическом мире: например, эвенки ставят хештег #эвенкия, среди шапсугов популярен #шапсугия.

Согласно опросу, активными пользователями хештегов являются саамы: под записями они пишут #саами, #suomi, #саамскаякультура, #кольскиесаами, #sarmi и др. Через хештеги саамы не только позиционируют себя и свою культуру, но и борются с ложными, по их мнению, представлениями о саамской культуре. С 2017 г. они запустили акцию, обозначаемую хештегами #осторожнофуфло, #bewareoffake, #осторожно-подделка, #stopsamyfakes, #берегисаамское, #nosaamifakes, которая ставит задачу — выявлять фейки в презентации саамской культуры, стилизации костюмов, придуманных танцах в северной стилистике, псевдотрадиционных обрядах и верованиях (Головнёв и др. 2022: 78). Таким образом, через хештег приобретает актуальность новое направление — когда

новация оценивается носителями традиций как фейк — условно называемое «этнофейкологией».

Респонденты из Восточной Африки отмечают, что скорее не склонны использовать хештеги в онлайн-общении. Лишь 14 % опрошенных указали, что помечают некоторые свои публикации ими в виде названия этнического сообщества (#chagga, #samburupeople, #waluguru). Статистика социальных сетей демонстрирует достаточно широкое использование хештегов-этнонимов. Применительно к каждой рассматриваемой этнической группе их количество исчисляется сотнями и тысячами, однако в современных условиях крайне трудно вычислить, какая их часть используется реальными представителями сообщества. Активно развивающийся в Восточной Африке этнотуризм способствует выходу хештегов-этнонимов за пределы континента — любой человек, посетивший экскурсию в деревню масаи или самбуру, может поставить «этнотег» под своим постом. Кроме того, в процессы виртуальной репрезентации этнических сообществ, прежде всего малочисленных, могут вовлекаться «третьи лица» — волонтеры международных НКО (примером могут служить цифровые ресурсы фонда “Samburu Trust”).

КОММУНИКАЦИЯ

Коренные малочисленные народы России предпочитают общаться преимущественно в «ВКонтакте» (78 %) и WhatsApp (76,7%); в последнее время стал также популярен Telegram (62 %). В связи с трудностью доступа и статусом владельца сети (организация запрещена в России) значительно снизилась востребованность Instagram* — если еще полтора года назад он был на одном уровне с WhatsApp и «ВКонтакте», то сегодня его указали 37,2 %. Среди других сетей и мессенджеров пользователи упоминали «Одноклассники» (21,3 %), Viber (17 %) и Facebook* (5,7 %). Согласно наблюдениям, в прошлом пользователи охотно делились своими данными в социальных сетях, однако сегодня цифровая среда становится все более персональным и закрытым пространством. На вопрос нашей анкеты «С кем чаще вы поддерживаете связь через интернет?» пользователи в первую очередь указывали своих близких — родственников, а только затем (далее по нисходящей) друзей, коллег, представителей своей этнической группы, самыми последними — случайных людей.

Представители этнических сообществ используют разные стратегии позиционирования в сети. Бесермяне представляют себя как этнических экстравертов, всюду демонстрирующих свою культуру, готовых к внешней коммуникации и заинтересованных в отстаивании собственной идентичности. Они выкладывают информацию о себе, их виртуальные сообщества многочисленны и открыты, что является отражением свободы их самовыражения и коммуникации. Тубаларов, проживающих

в Республике Алтай, можно назвать закрытым сообществом — и наиболее точно это характеризует их отношение к виртуальности. В основном тубалары общаются через закрытые группы WhatsApp, куда трудно попасть стороннему пользователю. В чатах они изучают язык, обсуждают этнические праздники и мероприятия, вопросы землепользования, обмениваются мнениями по поводу прав и льгот КМН. Среди причин закрытости можно назвать «внешнюю угрозу»: тубалары, проживающие преимущественно на землях по берегу Телецкого озера, опасаются утраты своих земель из-за повышенного внимания к этим территориям со стороны инвесторов и предпринимателей. Кроме того, несколько лет назад их общественную организацию «Туба калык» внесли в список иностранных агентов, что осложнило коммуникацию (ПМА 2023).

Представители этнических сообществ Кении и Танзании отдают предпочтение WhatsApp (89,5%), Instagram* (70,1%) и Facebook* (50,8%). Некоторые респонденты указали, что используют Telegram (28%) и Twitter (3,5%). Наиболее часто кенийцы и танзанийцы общаются в сети с друзьями, родственниками и коллегами. 49,1% опрошенных отметили, что для них очень важно поддерживать связь с онлайн-друзьями. Такой результат подтверждает тезис о распространении практик формирования социального капитала на область виртуального (Bernal 2020; Хохолькова 2021). Для 14% респондентов общение со случайными людьми также является достаточно значимым.

Несмотря на высокую степень открытости пользователей из Восточной Африки, большое количество сообществ в Facebook* и WhatsApp являются закрытыми и отличаются высокой степенью дисперсности — из существующих объединений выделяются более узкие фракции, чаще всего по территориальному признаку. В числе причин закрытости, к которым тяготеют крупные группы, такие как «Сообщество камба» (Kamba community), сами участники называют уважение к частной жизни. Согласно данным наблюдений, сообщества относительно малочисленных народов, таких как матенго, самбуру, огиек, напротив, стремятся к открытости и максимально широкому распространению информации о себе. Характер коммуникаций в большинстве рассмотренных групп можно определить как спонтанный — участники обсуждают как правовые и бытовые вопросы, так и проблемы, касающиеся, например, сохранения культурного наследия (соблюдения традиций, проведения праздников и т. д.).

ОБРАЗЫ И СТЕРЕОТИПЫ

Современные интернет-технологии значительно расширяют возможности для саморепрезентации и самоконструирования этнической идентичности. Сформированный под влиянием фольклора образ этнической группы существенно влияет на ее сегодняшнее самопозиционирование,

в том числе виртуальное. К примеру, чукотские интернет-сообщества и группы так или иначе связаны с юмористической темой, и на их страницах выложено немало узнаваемых анекдотов о чукче. Одна из популярных групп «ВКонтакте» называется «Веселые чукчи и эскимосы», а в ее описании сказано: «Чукчи неосознанно поднимают настроение=)))». На аватаре другой чукотской группы «“Чукчи” ВКонтакте» изображен смеющийся чукча. Вероятно, чукотские пользователи сами считают свою культуру связанной со смехом, юмором, поэтому на вопрос анкеты «Какие самые популярные темы, касающиеся вашего народа, обсуждают в интернете и СМИ?» одним из ответов был ответ чукчанки: анекдоты (Белорусова 2022: 92).

Если в советское время этничность коренных народов описывалась в категориях «отсталости» и «угнетенности» (Черняева 2022), то сегодня представители этнических групп создают свой образ как нечто уникальное, модное и современное. К примеру, в одном из видеороликов TikTok-блогера Андрея Братского молодые ханты читают рэп на родном языке — в песне говорится, что они гордятся своей этнической культурой. Сегодня многие стилизуют традиционную одежду на современный лад, проводят традиционные праздники с элементами новшеств последнего времени, таким образом подчеркивая, что этническая культура — модное явление. Сеть становится наиболее доступным союзником в деле разрушения старых клише и стереотипов, а также в создании новых ментальных установок по отношению к традиционной этнической культуре.

В Восточной Африке не принято создавать тематические юмористические сообщества, тем более посвященные малочисленным или уязвимым группам. Образ представителя конкретного этноса этого региона редко выступает в качестве объекта шутки или сатиры. Возможно, причиной тому стала многолетняя политика нациестроительства (Бондаренко 2022; «Каждый гражданин...» 2022), направленная в том числе на гармонизацию межэтнических отношений. Юмористическому описанию и стереотипизации могут подвергаться представители условно сильных сообществ. Популярной формой иронического осмысления их национальных и этнических образов стал мем, обычно циркулирующий в тех же социальных сетях и мессенджерах. В части Африки, расположенной южнее Сахары, наиболее часто героями мемов становятся «типичные нигерийцы» (“typical naija”) — гипертрофированно предприимчивые и самовлюбленные. Этот образ широко распространен в Восточной Африке, в первую очередь в Кении, где формируется значительная нигерийская диаспора. Популярными героями мемов также стали традиционно находящиеся во властных структурах Кении и поэтому считающиеся сильными кикуйю. Большая часть юмористических сюжетов посвящена характерным для многих из них особенностям произношения. Так, один из мемов высмеивает речь политика, члена парламента (1992–2013) Марты Каруа:

она говорит “*Harro*” вместо “*Hello*”, “*Assimio*” вместо “*Azimio*” (название политической партии) и “*Raira ni msarendo*” вместо “*Raila ni mzalendo*” (в переводе с суахили «Райла⁴ — патриот»).

БЛОГЕРЫ И ЛИДЕРЫ

Подключение к интернету позволило жителям тундры и тайги не только удаленно учиться и работать, но и способствовало их киберактивизации. Так, установление вышки с доступом 4G вдоль реки Тромъеган породило целое сообщество хантыйских этноблогеров, чьи виртуальные страницы пользуются вниманием пользователей, а эфиры и «сторис» — едва ли не популярнее трансляций федеральных телеканалов (Головнев 2021: 190). Владимир Айваседа сегодня считается одним из модных этнических блогеров: себя он называет «отдаленным от цивилизации», а на его TikTok-канал «Дневник ханта» подписано 670 тыс. пользователей (рис. 1). Широко известен канал на YouTube Альберта Соловьева — «Дневник эвенка» (130 тыс. подписчиков). Соловьев показывает жизнь эвенков в экстремальных условиях, а также рассказывает об особенностях традиционных видов охоты и рыбалки. В сети есть женские и детские этнические блоги. Младший воспитатель в школе-интернате пос. Тазовский ненка Надежда Худи демонстрирует подписчикам основы пошива национальной одежды, объясняет сложности создания узоров и деталей ее.

Вероника Баглай стала известна благодаря своему увлечению — созданию бесермянских родословных. Она живет в Краснодаре, в отдалении от своей этнической родины (север Удмуртии). Это и стало для нее мотивом при обращении к своей этничности: «Я живу за тысячи километров от родины своих предков. Хотелось от этого только больше лезть в глубины, искать информацию о своем народе, и все это в просторах интернета, потому что других источников у меня не было». Впоследствии Вероника стала публиковать результаты своих поисков в созданной ею группе «Бесермянские родословные», чем увлекла соплеменников. Бесермянские пользователи по примеру Баглай стали также создавать собственные родословные, искать родственников и изучать родню. Несмотря на то что не все знают Веронику лично, она пользуется авторитетом среди сородичей: многие обращаются к ней за помощью и советом, пишут благодарности в комментариях и просят дать экспертное мнение по вопросам, связанным с родословными.

Вопрос нашей анкеты среди КМН «Каких известных блогеров, представителей вашей культуры, вы можете назвать?» оказался наиболее сложным для опрашиваемых — из 310 участников на него согласились

⁴ Речь идет о Райле Одинге — премьер-министре Кении (2008–2013) и лидере партии “*Azimio la Umoja*”.

ответить 242 человека. И даже у тех, кто высказался, были трудности с обозначением этноблогинга — некоторые называли активистов физического, но не виртуального пространства, писали названия телеканалов и учреждений культуры. Очевидно, что сегодняшний феномен этнического блогинга находится на стадии формирования, адаптации и понимания со стороны пользователей. При этом у киберлидеров разные цели при создании контента: если для хантов ведение блогов связано в большей степени с популяризацией себя и своей культуры, то бесермянке Веронике Баглай ведение аккаунта помогает воссоздать утраченную связь со своими предками и сородичами.

Не менее трудным оказался вопрос и для африканской группы респондентов. Большинство из них (36 человек) не смогли назвать конкретных имен. Девять человек указывали на медиа “Tanzania Safari Channel” или отдельные тематические, но деперсонализированные аккаунты, такие как “Subtle Sage”. Подобно российским пользователям, кенийцы и танзанийцы склонны называть этноблогерами активных представителей своего народа. Некоторые из них, преимущественно певцы и танцоры, заявляют о своей этнической принадлежности в той или иной форме, но не являются этническими блогерами.

Этнический блогинг в странах Восточной Африки редко существует в чистом виде. Аккаунты, посвященные традициям и повседневной жизни того или иного народа, в основном предназначены для туристов и редко привлекают внимание представителей этнических сообществ. Большой интерес вызывают блоги общественных деятелей, регулярно демонстрирующих на своих страницах различные элементы этнической культуры (одежду, украшения, традиции, праздники), но также описывающих свою профессиональную деятельность. К данной категории можно отнести следующих упоминаемых респондентами блогеров: представительницу самбуру Джозефин Кулеа (4028 подписчиков в Instagram*), правозащитницу и основательницу фонда “Samburu Girls Foundation” и представительницу ньякьюса Икупу Мвамбенья (29,5 тыс. подписчиков в Instagram*), певицу и предпринимательницу. Достаточно активны и представительницы сообщества масаи (например, Найс Ленгете; 7,9 тыс. подписчиков в Instagram*), не названные респондентами, но уделяющие значительное внимание этнической культуре своего народа (рис. 2).

Результаты исследования свидетельствуют об отсутствии понимания концепции этнического блогинга, что обусловлено относительной новизной самого феномена, и о проявлении признаков множественной идентичности у респондентов из Восточной Африки. Отвечая на вопрос «Представлена ли культура вашего народа?», многие говорят не только и не столько о культуре этнической, сколько о культуре национальной и даже панафриканской. Так, пара респондентов из Кении упоминала о нигерийском блогере Черити

Рис. 1. Страница TikTok Владимира Айваседы. URL: https://www.tiktok.com/@aivas_igorevich0 (дата обращения: 20.07.2023)

Fig. 1. Vladimir Aivaseda (@aivas_igorevich0) [TikTok profile]. URL: https://www.tiktok.com/@aivas_igorevich0?is_from_webapp=1&sender_device=pc (access date: 20.07.2023)

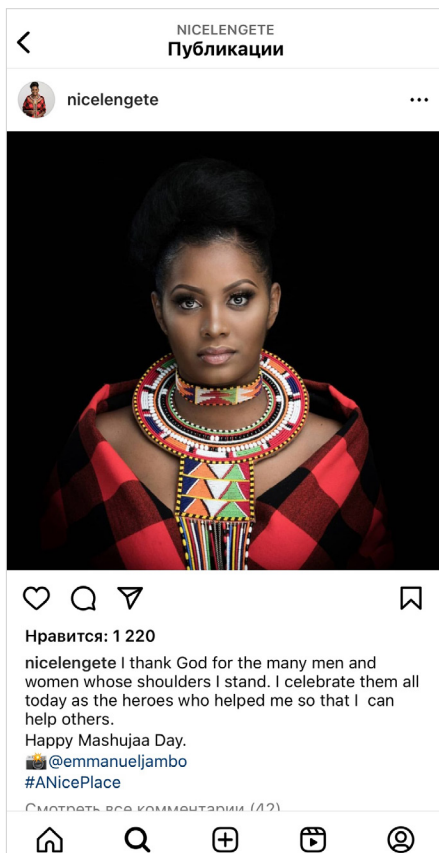

Рис. 2. Личный аккаунт Найс Ленгете в Инстаграм*. URL: <https://instagram.com/nicelengete?igshid=MXA4bW50cjVxaGtocA==> (дата обращения: 20.01.2022)

Fig. 2. Nice Lengete (@nicelengete). [Instagram profile]. URL: <https://instagram.com/nicelengete?igshid=MXA4bW50cjVxaGtocA==> (access date: 20.01.2022)

Екезие (378 тыс. подписчиков в Instagram*), чей цифровой контент направлен на развенчание негативных стереотипов об Африке.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ И МНЕНИЯ

Последний вопрос анкеты «Согласны ли вы с утверждением, что сегодня активность в сети отражает реальное существование этнической группы? Почему?» задавался с целью узнать отношение представителей этнических сообществ к интернет-взаимодействию.

Какова его ценность? Может ли цифровая культура заменить физическое взаимодействие? В чем соотношение реальности и виртуальности? Среди коренных малочисленных народов России на данный вопрос ответили 260 пользователей: большинство (55%) согласилось с данным утверждением, 24,8% ответили отрицательно, 20,2% не смогли дать однозначного ответа.

Те, кто ответил положительно, признают, что интернет сегодня является «наиболее доступным способом самовыражения», содействующим распространению собственной этнической культуры. По мнению ненца из пос. Сеяха, если бы не сеть, «никто не знал бы про нас, что наш народ — добрый, открытый, отзывчивый». По словам саами, с помощью интернета «мы есть, мы живы; надо напоминать о себе». Представительница чукчей считает, что «именно те, кто демонстрирует и публикует, — проживают настоящую жизнь». Некоторые, однако, увидели в виртуализации этничности негативную сторону: «Да, культура пропадает».

Несогласные с выражением, что активность в сети определяет существование группы, аргументировали это тем, что «представители различных этнических сообществ стремятся выставить себя в лучшем свете, опуская или приукрашивая некоторые исторические события» или «подсвечивая только нужную сторону существования». По мнению тубаларки, «для кого-то это пиар»; абазин считает, что «старшее поколение не признает соцсети»; ненка заметила, что «не всем интересна активность в сетях». Кочевники сообщали об отсутствии интернета на территориях передвижений и в связи с этим их объективной оторванности от виртуальной жизни: «Большинство ненцев живут в тундре и не всегда имеют доступ в интернет. Им этого и не надо».

В нейтральных отзывах прослеживается двойственность или неопределенность по отношению к сетевой коммуникации. С одной стороны, пользователи сообщают о невозможности полноценной замены реальности сетью. По словам ханта, «активность в сети нужна только для общения, учебы (если есть желание), ну, или полезные видео для инструкции чего-либо. Остальное не нужно, так как отвлекает и не позволяет достаточно заниматься народным творчеством, охотой, рыбалкой и другими навыками, которым учили нас наши родители, предки». С другой стороны, участники опроса сообщали о неравной степени пользования интернетом среди младшего и старшего поколений: по мнению вепса, «[утверждение] отражает, скорее, существование самоидентификации у молодежи. Старики в интернетах не сидят». Другие пользователи ставили вопрос об определении уровня выражения этнической культуры в виртуальной среде: «В сети обычно люди не столько как представители этнических групп, сколько как просто люди».

Результаты опросов респондентов из стран Восточной Африки демонстрируют похожую тенденцию — более половины из них (63,2%)

согласились с утверждением, что активность в сети отражает реальное существование этнической группы. Большинство опрошенных полагают, что виртуальная жизнь охватывает все сферы жизни реальной и этническая идентичность не может служить исключением. По словам молодой представительницы народа бена, «так или иначе все, чем ты делишься, тебя отражает». Интернет, по мнению согласившихся с утверждением, упрощает процессы консолидации и коммуникации внутри этнических сообществ, а также позволяет видеть и адекватно воспринимать культурное разнообразие города, страны, континента и мира. Многие респонденты указывали именно на информационную функцию глобальной сети. «Сеть позволяет рассказать о моей этничности всему миру», — заявил юноша лугуру. Неоднократно опрошенные подчеркивали не только важность распространения информации, но и необходимость ее получения. Мужчина яо подчеркнул, что интернет «повышает уровень осведомленности людей об их собственной этнической группе», в то время как мужчина матенго отметил, что сеть «позволяет встречаться с людьми разных культур и учиться у них».

Лишь 3,5% опрошенных колеблются в том, чтобы согласиться с предложенным утверждением или опровергнуть его. 33,3% выражают несогласие с тезисом. Одни указывают на проблему цифрового неравенства — «не все люди, представляющие ту или иную культуру, имеют доступ к интернету», в то время как другие акцентируют внимание на индивидуальной специфике сетевого поведения — «не все пользователи склонны демонстрировать свою этническую идентичность». Три респондента из девятнадцати, не считающих приведенное утверждение справедливым, заявили о том, что «интернет скорее оказывает негативное влияние на этническую культуру». Основная угроза видится в некоем универсализированном образе жизни, синтезируемом и транслируемом в интернете. Так, молодой человек по этнической принадлежности зигуа, объяснил свою позицию следующим образом: «...онлайн-активность сегодня все больше отражает глобальные проблемы <...>, и это стало катализатором разрушения культуры большинства этнических групп. <...> Большинство людей сегодня склонны игнорировать собственную этнокультуру и следовать новому образу жизни, который они видят онлайн».

КМН России, как и жители Кении и Танзании, имеют трудности с интернет-доступом, однако, по сравнению с предыдущими десятилетиями, их включенность в цифровую жизнь стремительно растет. Этнические сообщества имеют сходные мотивации для своего позиционирования — во многом это желание выделиться среди других, а также разрушить

стереотипы и клише, которые долгое время формировались в обыденном сознании. В этом отношении шаблонный юмор, так или иначе затрагивающий нынешнее достоинство народа, неприемлем в сети, однако самоироничные шутки, часто в виде мемов, являются подходящим развлекательным контентом, причем главным образом для представителей самих этнических групп. Пользователи пока не выделяют этноблогинг в отдельный жанр этнического позиционирования еще и потому, что он не имеет четких критериев, и любой человек, создающий контент, так или иначе вызывает интерес у определенного круга пользователей.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать вывод, что сходств в паттернах репрезентации этничности в цифровом измерении у пользователей из России, Кении и Танзании больше, чем различий. Имея доступ к интернету, хотя в некоторых случаях он и ограничен, используя различные социальные сети, представители рассмотренных этнических групп преследуют сопоставимые цели, опираются на сходные инструменты, а также почти одинаково смотрят на корреляцию сетевой активности с реальным существованием этнической группы.

Повсеместное использование одних и тех же или аналогичных социальных сетей и мессенджеров приводит к определенной унификации представлений об этничности в виртуальной среде. Пользователи и их культура внешне остаются особенными, но сами средства и механизмы репрезентации практически не отличаются — в этом отношении условные удмуртский бесермянин или кенийский самбуру будут понятны как друг другу, так и сторонним наблюдателям. С одной стороны, сходные формы представления себя в киберпространстве приводят к взаимному доверию и принятию, поскольку каждый видит в этом нечто «свое». С другой стороны, глобализация в киберпространстве несет угрозу универсализации и стереотипизации, против которой выступают некоторые участники анкетирования, в том числе кольские саамы, которые через хештеговую акцию *#осторожнофуфло* отстаивают свои традиционные ценности и отделяют их от массового новодела. Борьба со штампами и девальвацией культурных ценностей в условиях увеличения цифрового контента с каждым годом приобретает все большую актуальность, но осуществляется она пока теми же инструментами виртуальной среды, которые к ней и привели. Киберпространство является как вызовом, так и возможностью для этнических сообществ мира, и необходимы время, потенциал и ресурсы для адаптации и принятия новых условий самоопределения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Полевые материалы автора. Республика Удмуртия, Бурятия, Алтай, 2023 г.
Белоруссова С. Ю. Исчезают ли нагайбаки? // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 203–224.

Белорусова С. Ю. Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты // *Этнография*. 2022. № 4 (18). С. 84–111.

Белорусова С. Ю., Данилова Е. Н., Сысоева М. Э. Хештеги и этничность // *Этнография*. 2020. № 3 (9). С. 33–61.

Бондаренко Д. М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Изд. дом ЯСК, 2022. 400 с.

Головнёв А. В. Киберскорость // *Этнография*. 2020. № 3 (9). С. 6–32.

Головнёв А. В., Белорусова С. Ю., Киссер Т. С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН 2021. 280 с.

Головнёв А. В., Албогачиева М. С.-Г., Белорусова С. Ю., Беляева-Сачук В. А., Киссер Т. С., Перевалова Е. В. Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 200 с.

Головнев В. А. Медиатрансформации в этнографии и рождение этноблогинга (на примере хантов реки Тромьеган) // *Этнография*. 2021. № 4 (14). С. 186–210.

«Каждый гражданин — неотъемлемая часть нации». К 100-летию со дня рождения основоположника независимой Танзании Джулиуса Камбараре Ньерере сборник статей. М.: Ин-т Африки РАН, 2022. 266 с.

Панцерев К. А. Страны Африки Южнее Сахары в цифровую эпоху: к вопросу обеспечения информационного суверенитета // *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 10. С. 10–16.

Хохолькова Н. Е. Африканская цифровая диаспора // *Этнография*. 2021. № 3 (13). С. 191–206.

Черняева Н. А. Воображая Советский Восток: нарративы популярной этнографии в серии брошюр «Труженица Востока», 1927–1929 // *Этнография*. 2022. № 3 (17). С. 149–178.

Bernal V. African Digital Diasporas: Technologies, Tactics, and Trends // *African Diaspora*. 2020. Vol. 12. Issue 1–2. P.1–10.

From Connectivity to Services: Digital Transformation in Africa. Results Briefs. June 26, 2023. URL: <https://www.worldbank.org/en/results/2023/06/26/from-connectivity-to-services-digital-transformation-in-africa> (дата обращения: 05.09.2023).

Galal S. Africa: number of internet users in selected countries 2023, September 22, 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/505883/number-of-internet-users-in-african-countries/> (дата обращения: 03.10.2023).

Kemp S. Digital 2023: Global Overview Report. 26 January 2023. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report?utm_source=DataReportal&utm_medium=Country_Article_Hyperlink&utm_campaign=Digital_2023&utm_term=Kenya&utm_content=Global_Promo_Block (дата обращения: 03.10.2023).

List of active Internet Exchange Points in Africa 2023 URL: <https://www.af-ix.net/ixps-list> (дата обращения: 05.09.2023).

Status of internet access and connectivity in Africa 2022. URL: [https://www.diplomacy.edu/resource/report-stronger-digital-voices-from-africa/internet-access-connectivity-africa/#:~:text=Africa%20is%20a%20latecomer%20to,\(individuals%20using%20the%20internet\).&text=International%20Telecommunication%20Union%20%5BITU%5D.,\(2021\)](https://www.diplomacy.edu/resource/report-stronger-digital-voices-from-africa/internet-access-connectivity-africa/#:~:text=Africa%20is%20a%20latecomer%20to,(individuals%20using%20the%20internet).&text=International%20Telecommunication%20Union%20%5BITU%5D.,(2021)) (дата обращения: 05.09.2023).

REFERENCES

- Belorussova S. Yu. [Are Nagaibaks disappearing?]. *Etnografia*, 2023, no. 1 (19), pp. 203–224. (In Russian).
- Belorussova S. Yu. [Indigenous Small-Numbered Peoples of Russia: Virtual Ethnicity and Network Experiences]. *Etnografia*, 2022, no. 4 (18), pp. 84–111. (In Russian).
- Belorussova S. Yu., Danilova E. N., Sysoeva M. E. [Hashtags and Ethnicity]. *Etnografia*, 2020, no. 3 (9), pp. 33–61. (In Russian).
- Bernal V. African Digital Diasporas: Technologies, Tactics, and Trends. *African Diaspora*, 2020, vol. 12, iss. 1–2, pp. 1–10. (In English).
- Bondarenko D. M. *Postkolonial'nye natsii v istoriko-kul'turnom kontekste* [Post-colonial nations in the historical and cultural context]. Moscow: LRC Publishing House Publ., 2022. (In Russian).
- Chernyaeva N. A. [Imagining the Soviet East: Narratives of Popular Ethnography in a Series of Pamphlets, The Female Worker of the East, 1927–1929]. *Etnografia*, 2022, no. 3 (17), pp. 149–178. (In Russian).
- Golovnev A. V. [Cyberspeed]. *Etnografia*, 2020, no. 3 (9), pp. 6–32. (In Russian).
- Golovnev A. V., Albogachieva M. S.-G., Belorussova S. Yu., Belyaeva-Sachuk V. A., Kisser T. S., Perevalova E. V. *Korennye malochislennyye narody Rossii: etnokul'turnye proekcii* [Indigenous Peoples of Russia: Ethnocultural Projections]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2022. (In Russian).
- Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. *Virtual'naya etnichnost' i kiberetnografiya* [Virtual ethnicity and cyberethnography]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2021. (In Russian).
- Golovnev V. A. [Media transformations in ethnography and the birth of ethnoblogging (on the example of the Khants of the Tromjegan River)]. *Etnografia*, 2021, no. 4 (14), pp. 186–210. (In Russian).
- Khokholkova N. E. [African Digital Diaspora]. *Etnografia*, 2021, no. 3 (13), pp. 191–206. (In Russian).
- «Kazhdyĭ grazhdanin — neot'yemlemaya chast' natsii». K stoletiyu so dnya rozhdeniya osnovopolozhnika nezavisimoi Tanzanii Dzhuliusa Kamarage N'yerer: sbornik statei [“Every citizen is an integral part of the nation”. To the 100th anniversary of the birth of the founder of independent Tanzania, Julius Kamarage Nyerere. Digest of articles]. Moscow: Institut Afriki RAS Publ., 2022. (In Russian).
- Pantserev K. A. [States of Sub-Saharan Africa at the digital age: to the problem of the ensuring of the information sovereignty]. *Aziia i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2019, no. 10, pp. 10–16. (In Russian).

Submitted: 14.08.2023

Accepted: 16.09.2023

Article published: 30.12.2023